

Руслан Габдрашитович Шамгунов

Влияние политического режима на политику национальной безопасности и предотвращение межнациональных конфликтов : На примере Киргизии и Туркменистана времен Акаева и Ниязова

Wschodnioznawstwo 6, 201-220

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Руслан Габдрашитович Шамгунов

**Влияние политического режима
на политику национальной безопасности
и предотвращение межнациональных
конфликтов.
(На примере Киргизии и Туркменистана
времен Акаева и Ниязова)**

Сравнивая влияние политического режима на политику национальной безопасности и предотвращение межнациональных конфликтов, мы ни в коей мере не задаёмся сравнивать сами политические режимы с точки зрения моральных ценностей, или какой из них лучше или хуже с точки зрения демократии.

Выбор Киргизии и Туркменистана для сравнительного анализа не случаен. Обе республики на момент распада СССР обладали не только многонациональным составом, но и многоплеменным составом титульной нации (и там и там насчитывается по 30 племён). Они были сырьевым придатком советской экономики без особых надежд стать промышленно-аграрными.

Не стоит забывать еще о двух немаловажных аспектах. Во-первых, отсутствие демократических традиций на Востоке в целом и в Киргизии с Туркменистаном в частности. Парламентов там никогда не было. На Востоке власть не делят. Во-вторых, менталитет киргизского и туркменского, как и любого другого азиатского народа, для которого любой правитель – царь и бог, решения которого не обсуждаются, а выполняются.

Обе республики с момента окончательной независимости имели очень непростых соседей: Китай и Узбекистан для Киргизии, Афганистан, Иран и Узбекистан для Туркменистана.

Однако одна из них стала „островом демократии”, пережив при этом свержение двух президентов и межнациональный конфликт, другая стала примером авторитаризма, явив при этом политическую стабильность.

Выявлению причин этого очень неоднозначного явления и посвящена статья.

Идеология

С падением коммунистического режима, в республиках Центральной Азии стали искать основу для консолидации общества. Важной составляющей процесса возрождения нации являлся ислам.

Мы не будем останавливаться на основных постулатах исламского вероучения, но об особенностях ислама в центрально-азиатском регионе надо рассказать подробнее, т.к. это поможет понять особенности внутренней политики Киргизии и Туркменистана.

Ислам – неотъемлемая часть общественно-политической жизни Центральной Азии, где, с учетом культурно-исторической специфики отдельного государства и даже его отдельных районов, он влияет на нормы общественных отношений, на мировоззрение и психологическую ориентацию коренного населения.

Объясняя причины исламского возрождения в Центральной Азии после распада СССР, необходимо учитывать внутренние, специфические особенности, определяемые этническими, экономическими и историческими факторами.

Принадлежность почти всех коренных жителей Центральной Азии к суннитскому исламу является одним из факторов, определивших цивилизационную целостность региона. Важным представляется также их принадлежность к единому мазхабу¹ – ханафитскому. Ханафитский мазхаб имеет ряд специфических черт, которые делают его наиболее гибким из всех суннитских религиозно-правовых школ. Коран понимается как источник права целиком и безоговорочно; сунна принимается как независимый источник, но только после тщательного отбора хадисов; согласованное мнение (иджма) предшественников учитывается лишь если оно исходит от передатчиков достоверных хадисов. Однако при исследовании новых вопросов принимается иджма любой группы авторитетных лиц, что создает возможность региональных иджма. Суждение по аналогии (кьяс) может строиться на любом достоверном материале, но обязательно с глубоким логическим обоснованием. Если решение, принятое на основании кьяса ведет к вредному или абсурдному результату, применяется предпочтительное решение (истихсан). Ханафитский мазхаб допускает широкое применение обычного права (урф) как вспомогательного, но независимого источника права, что позволяет упрощать деловые отношения, вступать в деловые и бытовые контакты с иноверцами, получать значительные послабления в быту. Ханафитами является подавляющее большинство мусульман России (кроме некоторых народов Северо-Восточного Кавказа), Центральной

¹ Мазхаб – правовое течение в исламе.

Азии (кроме исмаилитов Памира) и стран Балканского полуострова. Хананитский ислам позволил широко использовать на практике местные традиции и обычаи.

Но степень исламизированности населения в Центральной Азии неодинакова. Если для узбеков и таджиков, перешедших к оседлости несколько веков тому назад, ислам стал своеобразным образом жизни, то среди недавних кочевников (киргизов, казахов и туркмен) религиозность больше распространена на бытовом уровне – как необходимость соблюдения лишь основных обрядов – так называемый „бытовой” или „народный ислам”. „Народный” ислам, представляющий собой разнородный, противоречивый, но внутренне устойчивый конгломерат исламских и неисламских норм, правил, обычаев, обрядов и идеологием, пропитывал частную жизнь жителей Центральной Азии, ускользавшую от внимания властей. Сосуществованию народного ислама и советской власти способствовало сохранившееся в Центральной Азии деление на возрастные „классы”, имеющие собственные модели поведения. Люди молодых и средних лет не были обязаны строго соблюдать исламскую обрядность, молиться, ходить в мечеть. Но это не делало их в собственных глазах и в глазах общества немусульманами. Строгое следование канонам ислама было принято лишь для людей старших возрастов, преимущественно после 60 лет, т. е. пенсионеров, которые гораздо реже входили в контакты с государством и его идеологией.²

За годы Советской власти в Центральной Азии сложилась двойственная ситуация. С одной стороны регион стал носителем черт светскости. С другой – сохранилась общность с исламским миром. Каждый коренной житель республики, вплоть до первого секретаря ЦК компартии принимал участие хотя бы в одном исламском обряде. Чего больше, светскости или исламизированности, остается вопросом. Мы же согласны с мнением А. Малашенко, который считает, что центральноазиатское общество носит более традиционный характер чем светский.³

В 80-х годах в Центральной Азии начали проявляться признаки проникновения исламского фундаментализма под знаменем ваххабизма.⁴ Проникновение происходило в основном среди узбеков и таджиков. Однако стоит

² М. Олимов, С. Олимова, *Политический ислам в современном Таджикистане*, [w:] *Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри*, А. Малашенко, М. Б. Олкотт (ред.), Москва 2001, s. 187.

³ А. В. Малашенко, *80-е: Новый Политический Старт Ислама*, „Восток” 1991, № 5, s. 53.

⁴ Ваххабизм – одно из ответвлений исламского фундаментализма и представляет собой религиозно-политическое течение, основателем которого был Мухаммад бин Абд аль-Ваххаб. Своей основной задачей ваххабиты считают борьбу за очищение ислама от различных чуждых, с их точки зрения, ему примесей, основанных на культурных, этнических или каких-то других особенностях тех или иных мусульманских народов.

отметить, что в отношении Центральной Азии речь идет скорее о политизации ислама и правильнее было бы говорить об исламском фундаментализме в широком смысле.

Значительную роль в исламском возрождении сыграли экономическая стагнация, преобладания монокультуры хлопка, быстрый рост населения в условиях нехватки земли, и наличия значительного трудоизбыточного населения, как в городах, так и в сельской местности, быстро растущая безработица (в особенности среди молодежи), плюс межэтнические, межклановые и межнациональные противоречия. Все это привело к возрастанию экстремистских идей на фоне преследования слабых и разрозненных демократических движений и партий.

Жители Киргизии и Туркменистана не верили ни в идеалы коммунизма, ни в то, что принято называть либеральной демократией. В силу акцента ислама на социальную справедливость их крайне угнетало моральное разложение общественной нравственности. Не случайно одним из первых решений правительства независимого Туркменистана было ограничения вещания российских телевизионных каналов, изобиловавших передачами и кинофильмами сексуального содержания. В такой ситуации обращение к ценностям ислама для них стало вполне естественным.

Ислам в Центральной Азии в 90-е годы все больше становится политическим, а во многих случаях – и радикально политическим. Религия в этом регионе все больше становится мощным идеологическим оружием. Практически во всех мусульманских странах региона возникли исламские политические организации, к примеру: всесоюзная Исламская партия возрождения (ИПВ); Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ); движение „Адолят” в Узбекистане и др.

При этом надо особенно подчеркнуть, ислам как таковой не создает угрозы безопасности и стабильности. Усиление его роли в жизни новых независимых государств Центральной Азии выражало естественное и законное стремление людей, принадлежащих к одной религии, вернуться к своим традициям и корням.

Лидеры националистических партий и движений стали обращаться к идее самобытности собственных культур. Практически все партии региона в своих программных документах уделяли много внимания возрождению национальных традиции и культурного наследия.

Ислам стал превращаться в силу, с которой не могли не считаться правительства. Религия – это серьезный фактор, способствующий сохранению стабильности общественно-политической обстановки. Именно поэтому апелляция к исламским ценностям глав всех центрально-азиатских государств вне зависимости от их политической ориентации была призвана, в первую очередь, мобилизовать общественное мнение, придать определен-

ную легитимность правлению новых „отцов нации”, а также заручиться по возможности дипломатической и финансовой поддержкой ведущих государств исламского мира.

И демократ А. Акаев и автократ С. Ниязов принесли присягу Президента на Коране, оба совершили паломничество в Мекку. В государствах поощрялся ремонт и строительство мечетей. В Туркменистане религиозные символы стали частью официальной символики – основной цвет флага Туркменистана – зеленый, на нем и на гербе страны изображены звезды и полумесяц. Руководство Киргизии решили религиозную символику на герб и флаг не наносить.

При этом власти прекрасно отдавали себе отчет, что религия не может быть основой национальной государственности. Не случайно президент Туркменистана С. Ниязов, говоря о флаге страны, подчеркнул: „Под этими знаменами мы не будем создавать исламское государство, но обязательно возьмем все ценное, что накоплено этой религией”.⁵

В лице исламистского движения у светских президентов них появился серьезный политический соперник, с которым они делить власть не были намерены. А уж с радикальным исламом они были готовы вести борьбу до конца. В этом с ними сотрудничает и духовная элита страны, которая понимает, что радикальный ислам создает серьезную угрозу не только существующим в регионе режимам, но и самим мусульманским организациям, относящимся к традиционному исламу. Фундаменталисты, в случае победы над нынешними режимами в регионе наверняка столкнутся с мусульманами – сторонниками традиционного ислама. Поэтому духовные управления мусульман Киргизии и Узбекистана, где ваххабиты широко развернули свою деятельность, выступили категорически против ваххабитских идей и стали искать поддержку среди мусульман и их организаций, исповедующих традиционный ислам.⁶

Существовавшее в СССР единое Духовное управление мусульман Центральной Азии, было распущено. Образование собственных муфтиятов и исламских институтов было еще одним символом независимости. Духовенство было поставлено под контроль административной иерархии, путем назначения на религиозные должности удобных для себя фигур и избавляясь от неудобных. Политизация определенной части духовенства привело к появлению терминов „официальное” и „неофициальное” духовенство. Официальное духовенство в лице имам-хатибов зарегистрированных мечетей выступает против участия в политике, за сотрудничество с властями и декларирует недопустимость использования религии в политических целях.

⁵ Цит. по: К. П. Дударев, *Посткоммунистический авторитарный режим*, [w:] *Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения*, Москва 1998, s. 160.

⁶ М. Гафарлы, *Как Бороться с Религиозным Экстремизмом*, „Независимая Газета”, 25 IX 1999.

Политизации ислама все центрально-азиатские режимы решили противопоставить опыт исторического прошлого. В 1995 г. в Киргизии произошло празднование тысячелетия эпоса „Манас”. В соседнем Узбекистане в октябре 1996 г. прошло празднование 660-летия Амира Тимура, чьими словами президент Узбекистана И. Каримов уточняет принципы своей политики: „совет, благоразумие, обдуманность вдесятеро полезнее в политике, чем сила оружия” и заявляя, при этом, что у республики – „великая история и великое духовное наследие... великая культура”.⁷ О роли исторического прошлого для туркмен президент Туркменистана С. Ниязов написал в знаменитой „Рухнама”.

Туркменский лидер пошел еще дальше. Он решил противопоставить исламизации идею власти сильной личности, где светский глава государства превращается в „духовного отца” нации.⁸ И без последствий для себя пережить ему не смог даже муфтий – глава мусульманской общины Туркменистана, который воспротивился тому, чтобы расписать мечети цитатами из книги Ниязова „Рухнама”. Согласно исламской традиции, все, что написано в мечети считается Богом написанной, кто бы ее ни сделал, о чем бы она ни говорила. Кроме того муфтий отказался признавать С. Ниязова заместителем Бога на земле. По обвинению в участии в покушении на себя С. Ниязов лишил муфтия его поста и посадил в тюрьму на 22 года. „Рухнама” лежала на самом почетном месте рядом с Кораном в каждой мечети.

Весной 2006 г. Ниязов заявил, что тот, кто трижды прочтет его книгу „Рухнама”, станет умным, поймет природу, законы и человеческие ценности. И после попадет прямо в рай. Он утверждал, что сам просил Аллаха о таком способе выявления праведников.⁹

Такое в Киргизии невозможно было даже представить. Да и самому Аскарму Акаеву такое и в голову не приходило – менталитетом президенты Киргизии и Туркменистана очень отличались.

Политическая система и внутренняя политика

Стоит сказать еще об одной характерной черте общества в регионе. Говорить о единстве киргизского или туркменского народа (как и любого центрально-азиатского) несколько преждевременно: родоплеменное деление не только сохранилось, но и оказывало определенное влияние на вну-

⁷ И. А. Каримов, *По пути создания. Собрание сочинений*, Т. 4, Ташкент 1996, s. 339-340.

⁸ Неслучайно за президентом Туркменистана закрепился титул Туркменбаши (глава туркмен).

⁹ *Исламские институты современного Туркменистана*, <http://www.islamsng.com/tkm/pastfuture/2990> (27 IX 2012).

треннюю жизнь республик. Даже в советские (постсталинские) времена в Киргизии и в Туркменистане неуклонно соблюдалась ротация Первых секретарей ЦК Компартий по клановому признаку, когда этот пост подряд не занимали выходцы из одного клана.

Здесь приоритетное значение сохраняют этноплеменные, земляческие и клановые связи. Лояльность по отношению к племени/клану стоит на первом месте, правила солидарности и взаимопомощи должны соблюдаться неукоснительно. Отсюда вырастает лояльность более высокого порядка – региональная, определяющая всю суть системы общественно-политических отношений в несравненно большей мере, чем классовые, национальные или идеологические факторы.

Этому можно противопоставить только демократизацию общества, с разрушением традиционных структур, наделением граждан индивидуальной волей и свободой, освобождением их от пут родовой принадлежности. Но для успеха в этом деле необходимы два условия. Во-первых, этот процесс должен быть постоянным в течении очень долгого времени – счет идет на многие десятилетия. Во-вторых, не должно быть никаких оговорок и послаблений. Как делал Ататюрк в Турции.

Лидеры анализируемых нами государств решили пойти несколько другим путем.

Аскар Акаев, человек от науки, физик, доктор наук. А в науке, где „в спорах рождается истина”, традиционно силен плюрализм мнений. А где этот плюрализм мнений не бушует так страстно как не в парламенте? И вопреки национальным и азиатским традициям, он решил строить демократическое государство, в котором есть разделение властей и критически настроенная оппозиция. В 1995 в Киргизии было официально зарегистрировано 19 партий и около 600 общественных объединений.¹⁰

И практически сразу он столкнулся с последствиями демократизации – оказалось, что критически настроенный парламент трудно уговорить поддержать курс реформ, предложенный президентом, а оппозиция только тем и занимается, что выискивает и раздувает недостатки правления, претендуя при этом на смену власти. Но для проведения, а главное, для завершения реформ, в условиях противостояния с парламентом, одного срока президентского правления явно мало. И возникает соблазн оправдать желание остаться президентом А демократия не там, где выбрали президента, а где выбирают следующих. Вот только продление срока власти без нарушения демократических традиций оказалось невозможным. Да и сам президент А. Акаев оказался не без традиционных для любой власти

¹⁰ *Государственный и политический строй Кыргызстана*, <http://www.easttime.ru/info/kyrgyzstan/gosudarstvennyi-i-politicheskii-stroi-kyrgyzstana> (27 IX 2012).

(а в Азии особенно) грехов – коррупции и nepотизма. По словам экономиста Андерса Аслунда, который некогда готовил отчеты о ситуации в Киргизии для Программы ООН по развитию, „масштаб коррупции при Акаеве был ужасающим”.¹¹ Достаточно сказать, что премьер-министр Киргизии Турсунбек Ченгышев прямо заявил: „В Киргизии не воруют только дураки и лентяи”.¹²

В 1994 г. А. Акаев сделал шаг, который мировая демократическая общественность простить ему не смогла – распустил парламент, применяя для этого отнюдь не демократические методы. Чтобы появился повод для роспуска парламента, было необходимо убедить общественность, что этот самый парламент не выполняет свои обязанности – не принимает законы и иные нормативные акты. Парламент, действительно, в начале сентября 1994 г. попросту не мог собраться на свое заседание из-за отсутствия кворума. А то, что этот самый кворум не мог собраться по причине противодействия властей, которые даже не пускали депутатов в здание парламента, общественности не сообщили.

Распущенный однопалатный парламент заменили двухпалатным, депутаты которого ещё нескоро определились со своими полномочиями.

Президентские выборы в октябре 1991 г. были единственными в череде президентских и парламентарских выборов, которые прошли без серьёзных нарушений, без давления на оппозицию, без приписок голосов.

Не избежал А. Акаев и соблазна пойти путем своих соседей президентов Казахстана, Туркменистана и Узбекистана, которые просто продлили свои полномочия до 2000 г. без президентских выборов. Но он продлил полномочия „только” до 1996 г., но уже в 1995 г. предпочел баллотироваться в президенты на новый срок. Вторая попытка продлить свои полномочия в 2000 г. провалилась.

Не смог А. Акаев ничего противопоставить и клановому делению общества, да и не стремился к этому, прекрасно понимая, что без поддержки своего клана он долго не продержится.

Киргизские племена, число которых достигает 30 делятся на три группы: правое крыло, левое крыло и группу ичкилик. Традиционно же противостояние кланов определяют как противостояние Севера и Юга, т.к. традиционно конкурирующие кланы располагаются на севере или юге страны.

А. Акаев происходит из рода сырыбагыш, представляющий Север. Поэтому Юг был настроен весьма критически к его правлению, особенно к политике европеизации страны. Это было вызвано тем, что южные киргизы,

¹¹ Аскар Акаев присвоил миллиард долларов?, <http://izvestia.ru/news/318633> (29 IX 2012).

¹² „Мегаком” не должен быть продан, http://www.gezitter.org/economics/11314_megakom_ne_doljen_byit_prodan (29 IX 2012).

имевшие более тесные контакты с узбеками, были более исламизированы и менее европеизированы, чем „северяне”.

В 1992 г. Киргизия оказалась едва не разделена на две части в прямом смысле этого слова. В результате землетрясения был разрушен единственный мост, связывающий Север и Юг, восстанавливать который власти не торопились. Чтобы не допустить окончательного раскола страны А. Акаеву пришлось пойти на определённые уступки. Правительство и ключевые министерства периодически возглавляли представители Юга. Даже цветом государственного флага стал цвет южных киргизов – красный (у „северян” – голубой).

О характере власти А. Акаева в начале 90-х говорит такой примечательный факт. Бывший аким Желал-Абадской области Бекмамат Осмонов, лидер сепаратистов Юга, вынужденный уйти в отставку под давлением президента, был назначен первым заместителем акима Ошской области (тогда акимы назначали своих заместителей сами) и фактически управлял областью, не отказавшись от сепаратистских идей.

Постепенно А. Акаев концентрирует власть в своих руках. Для этого в 1994 г. (дважды), 1996 и 1998 г. проводились референдумы, уменьшавшие в пользу президента роль парламента и правительства, вызывая недовольство не только „южан”, но и „северян”, возмущенных концентрацией власти и в руках „семьи” президента.

Чтобы укрепить контроль над Югом, в кругу президента родилась идея повторить опыт своего северного соседа и перенести столицу. Если Назарбаев перенес столицу на север, то здесь собирались перенести столицу на юг, в Ош. Ош был объявлен „второй столицей”, туда были переведены некоторые общегосударственные учреждения. Но этим все и ограничилось, т.к. президентские выборы 2000 г. прошли без особого противостояния Севера и Юга.

Но в марте 2002 г. противостояние вышло на новый уровень.

Юг возмущала не только внутренняя и экономическая политика А. Акаева. Справедливое негодование вызвало решение президента передать Китаю им требуемую территорию площадью 9000 кв.км. Мало того, что это около 5% всей территории Киргизии, так это еще и часть территории Юга. Можно понять возмущение „южан”, потребовавших от президента объяснить причину этого шага. Вместо объяснений был арестован и отдан под суд представитель Юга, депутат парламента А. Бекназаров. В его защиту начали многотысячные демонстрации, а также голодовки протеста. Ситуация настолько стала выходить из-под контроля президента, что, не выдержав, он отдал приказ стрелять по демонстрантам на поражение. Погибли люди. Кризис удалось погасить, в отставку был отправлен весь кабинет министров. Но очередной шаг к „тюльпановой революции” был сделан. Не

случайно, что в маршах оппозиции, приведших к его свержению большинство участников были представители Юга, а представители Севера на защиту президента-„северянина” не встали, очевидно, что своим они его уже не считали.

На свою беду коррумпированный режим А. Акаева, распродавая оружие заинтересованным странам донельзя ослабил собственную армию, численность которой составила 12 тысяч военнослужащих. Для сравнения, Туркменистан, уступавший по численности населения Киргизии и объявивший о своем нейтральном статусе, насчитывал в своих вооруженных силах около 100 тысяч военнослужащих. Хотя и называются другие цифры: 8 и 50 тысяч соответственно.¹³ Нейтральный Туркменистан обладает свыше 2000 единиц бронетехники и 520 боевыми самолетами. Бронетехника и авиация, находящаяся в составе ВС Киргизии, члена ОДКБ, активного помощника антиталибской коалиции, фактически существовала только на бумаге, т.к. из-за отсутствия запчастей и горюче-смазочных материалов они содержались на хранении. Так что армия явно не была противостоять военной угрозе.

В августе 1999 г. в стране произошли события, показавшие, что армия Киргизии не способна противостоять не то что регулярной армии противника, но даже сравнительно небольшой вооруженной угрозе. Группа из 600 экстремистов, состоящих преимущественно из узбеков, проникла в страну из соседнего Таджикистана. К тому времени границы Киргизии охраняли не российские пограничники, а киргизские и проникновение произошло без особых проблем. Боевики захватили ряд высокогорных сел в Баткентском районе. Они планировали в дальнейшем перенести свою агрессию на соседний Узбекистан.

Не то, что разгромить, даже нанести удар по боевикам армия оказалась не в состоянии. И Бишкек обратился за помощью к своему принципиальному и историческому противнику – Ташкенту и Москве. Россия выразила готовность оказать только финансовую и техническую поддержку, но отказалась посылать свои войска. Так что разбираться с боевиками пришлось узбекской армии. К середине октября боевики были разгромлены и вытеснены за пределы страны.

Ничто так не располагает к противостоянию с властями, как осознание слабости этой власти. Приглашение к своему свержению А. Акаев сделал.

Не укрепило безопасность Киргизии появление американской военной базы, поскольку главная опасность для режима А. Акаева исходила от собственного народа. А умирать ради поддержки непопулярного режима

¹³ А. Кам, *Чья армия сильнее? Если завтра война, смогут ли воевать республики Центральной Азии?*, <http://freas.org/?nid=927> (1 X 2012).

американцы явно не собирались, как наверняка не пойдут на ухудшение отношений с Китаем, если у Пекина возникнут претензии к Бишкеку.

Политическая оппозиция, по правде говоря, не представляла собой серьезную угрозу власти А. Акаева. Созданные в Киргизии партии являются искусственными образованиями, построенными по европейским моделям. Но Киргизия – не Европа, костяк партий составляли и составляют родственники и земляки партийных лидеров. Идеологии практически никакой не было. Чаще всего оппозиционерами становились бывшие чиновники, которых отринули от кормушки. Договориться между собой лидеры оппозиции были просто не в состоянии. В преддверии парламентских и президентских выборов А. Акаев успевал договориться с лидерами кланов раньше оппозиционеров, что и предопределяло его победы. Хотя и от избавления от неугодных оппозиционеров путем уголовного преследования президент не отказывался.

Единственной организацией, которую отличает наличие идеологии и четкой организационной структуры, является „Хизб-ут-Тахрир”, которая стала синонимом нестабильности и угрозы для государства Кыргызстан.

Фактически целью оппозиционеров было не свержение Акаева, а заставить его поделиться властью и доходами. Даже протесты в марте 2005 г. были больше направлены на то, чтобы показать американским и европейским неправительственным организациям, щедро финансировавшим оппозицию, что их деньги потрачены не зря. Победу на парламентских выборах 2005 г. они и не мечтали одержать. Об этом в феврале 2005 г. прямо заявила один из лидеров оппозиции, Р. И. Отунбаева, сказавшая что оппозиция все надежды возлагает на президентские выборы, которые должны были состояться в октябре того же года.¹⁴

А. Акаеву пришлось пожинать плоды „демократизации”. Приглашенные им в страну зарубежные, в первую очередь американские, неправительственные организации, а их насчитывалось около 5000, развернули активную деятельность, критикуя его за отход от демократических принципов. Пресекать их деятельность он не решился, боясь испортить отношения с западными странами. А может быть, он был уверен, что ни к чему особо негативному для него их деятельность не приведет. В этом случае он очень ошибся. Сам А. Акаев уверен, что они „захотели повторить «цветные революции» по примеру грузинской в 2003-м и украинской в 2004-м”.¹⁵

Результаты акции протеста марта 2005 г. оказались неожиданными для всех. Оппозиция не ожидала, что акция протеста выльется в погромы и что президент предпочтет бежать из страны, а не подавить силой эти выступ-

¹⁴ *Клановый характер устройства Кыргызской республики*, <http://mir-politika.ru/81-klanovyy-harakter-ustroystva-kyrgyzskoy-respubliki.html> (1 X 2012).

¹⁵ *Аскар Акаев: Америка убила киргизскую демократию*, <http://vlasti.net/news/95048> (1 X 2012).

пленя. В свою очередь, А. Акаев не ожидал, что оппозиция, не пользующаяся поддержкой кланов, после оглушительного поражения на парламентских выборах сможет провести такую акцию протеста, которая приведет к таким же последствиям как в Грузии и на Украине, и поэтому был не готов к ответным мерам. Он не решился во второй раз отдать приказ стрелять по демонстрантам. И подписал окончательный приговор своему правлению.

Совсем другой политикой изначально было правление Сапармурата Ниязова.

Сапармурат Ниязов первым из республиканских лидеров СССР стал президентом в результате всеобщего прямого голосования, хотя и на безальтернативной основе.

Следуя восточным традициям, С. Ниязов властью решили не делиться ни с кем, хотя от парламентов не отказался. Почему парламентов, а не парламента? Потому что кроме собственно парламента (Меджлиса), он создал Народный совет (Халк маслахаты), своеобразный парламент над парламентом, куда вошли депутаты Меджлиса, члены правительства, руководители вelayатов и etрапов, городов и поселков а также сам президент, который, к тому же, является и премьер-министром.

Используя традиционное для Востока уважение к старшим, С. Ниязов, единственный из руководителей государств в СНГ, создал совет старейшин (состоящий исключительно из стариков) и все свои законодательные инициативы проводил через этот совет, который своим авторитетом подтверждал мудрость этих инициатив.

Если еще один авторитарный правитель в Центральной Азии президент Узбекистана И. Каримов согласился с многопартийностью в своей стране в диапазоне „от одобрения до полного одобрения действий президента”, то его туркменский сосед даже на это не пошел, оставив в стране только одну партию. При этом он задал вопрос, на который оппонентам и ответить было затруднительно: „А чем программа других партий будет отличаться от программы нашей Демократической партии? Если ничем, тогда зачем создавать другие партии?”

Он первым из президентов Центральной Азии продлил свои полномочия до 2000 г., но дожидаться окончания этого срока он не стал, и в 1999 г. Халк Маслахаты принял решение о пожизненном президентстве С. Ниязова. Причем первым с этим предложением перед собравшимися выступил будущий „главный оппозиционер” Борис Шихмурадов. В последствии сам С. Ниязов говорил, что будет править до 2009 г., а до того времени подготовит себе преемника, а в стране должны действовать еще две партии.¹⁶

¹⁶ *Туркменбаши будет править до 2009 года*, <http://army.lv/ru/Turkmenbashi-budet-pravit-do-2009-goda/699/4146> (22 IV 2004).

Разобравшись в начале 90-х г. с соперниками за власть, главным из которых был министр нефти и газа Н. Союнов, представитель йомудского клана, С. Ниязов начал проводить политику культа своей личности. По уверениям бывшего министра иностранных дел Авды Кулиева С. Ниязов еще в 1994 г. вынашивал планы объявления себя шахом Туркменистана, но совет старейшин негативно отнёсся к этой идее и он отказался от этой идеи, тем более, что свою негативную оценку вынесло и руководство Ирана.¹⁷ Однако из официального названия страны выпало слово „республика”.

Говорить о каком-то демократическом варианте правления С. Ниязова не придется в принципе. Оппозиция могла существовать только за пределами страны. Внутри страны она жестоко подавлялась, хотя до расстрела демонстраций дело не доходило.

Как и в Киргизии, в Туркменистане насчитывается 30 племен, хотя приводятся и куда меньшие числа 9-14.¹⁸ Традиционно кланы разделяют на 5 групп числу вилайетов (областей) Туркменистана, не случайно на флаге и гербе страны представлены 5 орнаментов туркменского ковра. Причем в противоборствующие кланы входят представители одного племени теке. Это связано с историей племен, в том числе и с историей присоединения Туркменистана к России, когда вооруженное сопротивление царским войскам оказали только текинцы Ахала. В советские времена в Туркменистане чуть ли не ежегодно происходили массовые драки между студентами-туркменами, представлявших разные племенные группы.

Характерно, что с 1951 по 1985 гг. руководителем республики ни разу не был ахалтекинец. С. Ниязов стал первым.

Но характер его управления кланами отличался от акаевского.

Своим возвышением он был обязан не клану, а своей работе в партаппарате. Поэтому особой обязанности клану он не испытывал, хотя и рвать с ним не собирался. Все в стране было подчинено правилу личной преданности Туркменбаши. Неожиданно для многих это правило сработало в пользу прекращения межплеменных столкновений. С.Ниязов оказался как бы над клановой принадлежностью. Мы уже говорили о принятом им титуле „Туркменбаши”. Ему удалось сделать то, что не удавалось никому до него, в том числе и в советские времена – консолидировать туркмен в единую нацию. Но свое соперничество с йомудом Н. Союновым он не набыл. Представители йомудов к высшим правительственным постам не допускались. Противопоставить этому йомуды ничего не смогли, т.к. текинцы

¹⁷ А. Кулиев, *Туркменская элита – взгляд изнутри*, http://www.Eurasia.org.ru/2001/analitica/03_20_Elita.htm (5 III 2001).

¹⁸ Г. Кузнецов, *Кланы туркменской элиты*, <http://www.easttime.ru/analitic/1/2/617.html> (22 IV 2009).

были самым многочисленным туркменским племенем, а власть президента – непререкаемой.

Не случайно, что на национальных денежных купюрах не было ни одного изображения туркменских деятелей кроме самого С. Ниязова.

Для укрепления своего режима С. Ниязов предпринял ряд шагов, которыми он в дальнейшем отвечал критикам своей власти:

- в стране газ, вода, электроэнергия и соль предоставляются населению бесплатно;
- до цена за 1 литр бензина в зависимости от его сорта составляет от 1,7 до 3 центов (Средняя заработная плата составляет 30-40 долларов в месяц).

Какой демократический режим может похвастаться такими достижениями?

За то, что Туркменбаши не допустил межплеменную резню, а этого опасались многие среди туркмен, они ему готовы были простить почти все, в том числе золотые памятники и оскорбления в прямом эфире. Хотя сам Туркменбаши, по нашему мнению, к туркменскому народу относился без уважения. Достаточно посмотреть на его социальные реформы.

Дабы не допустить появления соперника, он слишком тасовал состав госаппарата, редкий министр сидел на своем посту более года. „Долгожителем” оказался министр иностранных дел Б. Шихмурадов, отблагодаривший „благодетеля” не только призывом наделить его пожизненными полномочиями президента, но и призывом к его свержению.

Когда речь заходит об оппозиции режиму С. Ниязова, следует отметить три факта:

- 1) Никто из оппозиционеров, ратующих за „демократию” не выступил против статьи конституции Туркменистана, представлявшей исключительно туркменам право быть президентом страны, тем самым ставившей по сомнению патриотичность „нетуркмен” со всеми вытекающими последствиями. Ратуя за демократизацию Туркменистана, никто из них выступал против сокращения количества школ, где преподавание велось не на туркменском языке.
- 2) Возглавляют оппозиционные группы или в их число входят бывшие чиновники, верой и правдой служившие Ниязову, но отстраненных от кормушки за экономические махинации. Тот же Б. Шихмурадов перешел в оппозицию после того, как его сняли (за воровство) с постов вице-премьера и министра иностранных дел, и отправили послом в Китай.
- 3) Оппозиционные группы так и не смогли объединить свои усилия в борьбе с режимом С. Ниязова, что лишний раз доказывает, что о своих родоплеменных противоречиях они не забыли, а значит, демократизацию страны видели только в смене руководителя.

Относительно белым пятном является попытка покушения на С. Ниязова 25 XI 2002 г. У автора вызывают сомнения в том, что это покушение не было инициировано самим С.Ниязовым. Уж очень неуклюже действовали заговорщики и очень оперативно ответил президент, будто был заранее готов к покушению.

Национальный вопрос

Согласно переписи населения 1989 г. в Киргизии при общей численности населения 4 257 755 человек киргизы составляли 52,4% населения, русские – 21,5%, узбеки – 12,9%¹⁹; в Туркменистане при общей численности населения в 3 522 717 туркмены составляли 72%, русские 9,5%, узбеки – 9%.²⁰

Т.е. в обеих республиках вторыми и третьими по численности народами были русские и узбеки. И если узбеков ненавидели и киргизы и туркмены, то к русским отношение было в целом уважительное. Это вызвано не только исторической враждой туркмен и киргизов с узбеками, но и тем, что узбеки, как сельские жители занимали „исконные” киргизские и туркменские земли. В Центральной Азии самые кровавые столкновения происходили при дележе земли и воды. В то же время русские и все русскоязычные народы были городскими жителями, составляя минимум 75% всех инженерно-технических кадров центрально-азиатских республик.

Только наличие сильной центральной власти, а также прослойки, которую из политкорректности назовем русскоязычной, позволяло сдерживать это противостояние.

Но с началом политики „перестройки” ситуация стала резко меняться и не в лучшую сторону.

Центральная власть слабела на глазах, открыто критиковать правительство стало модно и безопасно. Допущенный плюрализм мнений привел к традиционному выяснению причин, кто виноват, что мы плохо живем? и почему мы не хозяева на своей земле? А попутно вспомнили вековые обиды. В поисках „правильных” ответов стали помогать националистические организации типа „Национально-демократический фронт Киргизии”, „Ош аймагы”, „Агзыбирлик”, „Адолят”.

Рано или поздно, но это должно было продолжиться резней. Что и произошло в 1990 г. между узбеками и киргизами в Ошской области, где по раз-

¹⁹ Кыргызстан, [w:] *Страны мира: Краткий политическ. экон. справочник*, Москва 1993, s. 229.

²⁰ Туркменистан, [w:] *Страны мира...*, *op.cit.*, s. 408.

ным данным погибают от одной до десяти тысяч человек с обеих сторон. Разнимали полосующихся войска присланные Москвой.

Для Киргизского руководства урок впрок не пошел. Там решили заняться выдавливанием русскоязычного населения. Для начала в декабре 1990 г. киргизский Верховный Совет переименовал Киргизскую ССР в Республику Кыргызстан. Киргизской интеллигенции не понравилось наименование „киргизы” – и оно было заменено на „кыргызы”. В своем националистическом угаре дошли до того, что Москву собрались назвать „Маскюэ”.

В 1991 г. в республике отмечается 75-лети со дня восстания 1916 г., забывая, что это восстание было направлено не против царизма или русских, а против методов набора на тыловые работы. Русские стали оккупантами. Ничего удивительного, что это привело к тому что в столице Киргизии Бишкеке киргизы развезжали на конях избивая русских плетьюми, не рискуя нарваться на противодействие милиции.

Деятельность А. Акаева в вопросе русскоязычного населения не отличалась постоянством и продуманностью. В 1992 г. он подписывает указ, в котором русский язык признавался официальным в тех предприятиях, учреждениях и селах, где русскоязычные составляют 70 и более процентов. В 1993 г. в Бишкеке открывается Славянский университет. Но в мае того же 1993 г. в принятой конституции Киргизии отмечалось, что государственным языком в республике является киргизский, а о каком-либо особом статусе русского языка не упоминалось. А в начале следующего года А. Акаев прямо заявил: „Одно из условий продолжения демократических преобразований в республике – отъезд русских”.²¹

Тут надо отметить и позицию официальной Москвы, которая сделала вид, что ничего плохого с русскоязычным населением Киргизии не происходит.

В результате русские из республики поспешили уехать, и за два года (1992-1993) республику покинули 170 тысяч русскоязычных.²² К началу 1994 г. в республике не осталось ни одного русскоговорящего руководителя предприятий, что привело к обвалу экономики. Зато доля киргизов в населении страны возросла до 71,8%, правда возросла и доля узбеков, которые уезжать не собирались и, более того, требовали автономии.

И А. Акаеву пришлось резко поменять политику в отношении русскоязычных, стараясь не только удержать оставшихся, но и вернуть уехавших, благо тех в самой России не очень-то и ждали. Со всей очевидностью стала востребованной характерная черта русскоязычных – они не поддерживали

²¹ Г. Ситнянский, *Киргизия: национальные проблемы, внутренние и внешние*, http://www.ca-c.org/journal/15-1998/st_08_sitnjansky.shtml (10 III 1999).

²² Ibidem.

ни киргизские кланы не независимо от места своего проживания, ни узбеков или казахов – они поддерживали центральную власть.

Началась реализация концепции „Кыргызстан – наш общий дом”, целью которой было создание полиэтнической киргизской нации на основе взаимодействия всех основных народов, исторически проживающих на территории страны. В январе 1994 г. состоялся I Курултай народа (именно народа, а не народов) Кыргызстана, в котором приняли участие представители всех землячеств проживающих в Киргизии народов. Решением Курултая была создана Ассамблея народа Кыргызстана, призванная координировать деятельность национально- культурных центров страны.²³

В середине 1994 г. он подписал указы о признании официального статуса русского языка на предприятиях и организациях, где русскоязычные составляют большинство и о запрещении дискриминации за незнание государственного языка. В феврале 1996 г. была отменена графа „национальность” в паспорте.

Результаты не замедлили сказаться. В 1994 г. из республики выехало в 2 раза меньше русскоязычных, чем в 1993-м, а в 1997 г. была обнародована статистика, согласно которой из республики уехало 19 500 русскоязычных, но приехало 12 800.²⁴ А. Акаев даже стал склоняться к мысли о создании автономии для русских в Чуйской долине.

Смягчить национальный вопрос в Киргизии А. Акаев смог только в отношении русскоязычного населения, в отношении других народов Киргизии проблема загонялась вовнутрь. Ни о какой автономии узбекам и казахам и речи не могло идти. Выдавить их было не возможно, поэтому постарались их просто не трогать. Понятно, что рано или поздно это скажется на внутренней обстановке в стране. И подтверждением этому стали Баткентские события в августе-октябре 1999 г.

Национальный вопрос в Туркменистане решался иначе. Облегчало ситуацию, что туркмены составляли подавляющее большинство населения страны.

Сказать, что в республике накануне развала СССР было все спокойно было бы преувеличением. Несмотря на противодействие либерализации общества в период „перестройки” (например в июле 1988 г. в республике были запрещены митинги, уличные шествия и демонстрации), „плюрализм мнений” дошел и до Туркменистана. В 1989 г. появляется националистическая организация „Агзыбирлик”, представители которого не шли ни на какой диалог с представителями других народов, если те не разговаривают

²³ См.: А. А. Акаев, *Памятное десятилетие. Трудная дорога к демократии*, Москва 2002, s. 195-203.

²⁴ Г. Ситнянский, *Киргизия...*, *op.cit.*

с ними на туркменском языке. В республику стали проникать эмиссары из Казахстана, призывавшие казахов Туркменистана требовать для себя автономии.

В мае 1989 г. в республике прошли-таки националистические выступления, направленные против армян. Армяне были первыми, кто начал кооперативную деятельность в республике. И цены в их кооперативах резко отличались от государственных. Поводом послужил пущенный слух, что армяне для порнофильмов заставили сниматься девушек-туркменок. До погромов дело не дошло только благодаря вмешательству местных властей. Помощь Москвы не потребовалась.

Став в январе 1990 г. председателем Верховного Совета Туркменской ССР, С. А. Ниязов первым делом запретил любые проявления национализма в республике. Антирусская или антисоветская риторика не допускалась. Деятельность „Агзыбирлик” была запрещена. Всех иностранных эмиссаров-националистов выслали из страны.

Но при этом усилилась политика кореннизации госаппарата, начатая еще в советские годы – все руководящие посты в республике занимались этническими туркменами. А в конституции независимого Туркменистана была внесена статья, согласно которой президентом страны мог стать только туркмен. Никакого особого статуса русскому языку предоставлено не было.

Но терять ценные инженерно-технические кадры, а с ними и стабильность в стране, С. Ниязов не собирался. Выезд русскоязычных из Туркменистана был затруднен. Желаящим уехать не позволялась продавать квартиры, контейнеры для перевозки движимого имущества предоставлялись с большой задержкой. Чтобы успокоить русскоязычных, Туркменистан первым в мире подписал с Россией соглашение о двойном гражданстве, которое просуществовало до 2003 г. Президенту России Б. Н. Ельцину было присвоено звание „Почетного гражданина Туркменистана”.

Конечно же, все это не могло заставить русскоязычных избавиться от желания покинуть страну, хотя бы потому, что никто не мог им гарантировать спокойную жизнь через несколько лет в стране, где стабильность держится на власти одного человека. И доля русского населения в 2010 г. составила всего 3,2%.²⁵

Не допустил С. Ниязов и столкновений между туркменами и узбеками, чему способствовало быстрое заключение договора о делимитации границы между двумя странами. Даже похолодание отношений между Туркменистаном и Узбекистаном в конце 2002 – начале 2003 годов, не привели к каким-либо эксцессам между двумя народами. Хотя надо признать, что

²⁵ *Turkmenistan*, <http://www.joshuaproject.net/countries.php?rog3=TX> (1 X 2012).

С. Ниязов приложил усилия для сокращения влияния узбеков на жизнь Туркменистана, доступ жителей центральных и западных районов страны в районы компактного проживания узбеков был затруднен. Не забыл С. Ниязов и противодействие бывшего муфтия Туркменистана Насруллаха ибн Ибадуллах, этнического узбека.

Но в результате С. Ниязов добился своего, Туркменистан в 90-е годы избежал обвала экономики, межнациональных конфликтов и мог позволить приводить свою политику, как пример обеспечения стабильности.

Таким образом, сравнивая внутреннюю политику двух режимов можно сделать некоторые выводы.

В странах, в которых отсутствуют демократические традиции, их насаждение приводит к неизбежному нарушению национальных (региональных) традиций, что неизбежно приведет к конфликту власти и общества. Но, начав насаждение чуждых традиций, необходимо идти до конца.

Выражая готовность делиться властью, необходимо быть готовым решать возникающие проблемы между разными ветвями власти в рамках изначально декларированной политики.

Традиционному противостоянию разных народов необходимо противопоставить либо справедливое решение проблемы, либо решение, угодное центральному правительству. Но должно быть решение проблемы, а не откладывание его „на потом”.

Во всех случаях, центральная власть должна опираться на силу, способной противостоять любым возникающим угрозам и способной заставить недовольных действовать в рамках изначально декларированной политики.

Приходится признать, что А. Акаев нарушил все эти правила, которые ему вряд ли были неизвестны. Кемаль Ататюрк с успехом реализовал политику европеизации Турции в обществе, мало чем отличающегося от центрально-азиатских.

Нарушив правила, А. Акаев продемонстрировал слабость своей власти и только еще большая слабость его политических противников позволила ему продержаться у власти 14 лет. Президента-демократа лишили власти самым недемократическим путем. Президент-реформатор довел страну до состояния, когда его народу живется хуже всех на постсоветском пространстве, а значит подготовил почву для социального взрыва. Национальная политика президента А. Акаев подготовила почву для конфликта, который произошел в стране в 2010 г.

Примером обратного является режим С. Ниязова. Почти тоталитарный, совсем уж недемократический режим, не стал ломать традиций, но и применял силу, заставляя недовольных подчиниться, но при этом явил миру пример стабильности, лишившись власти по причине своей ненасильственной смерти.

Summary

Ruslan Gabdrashitovich Shamgunov

**The influence of the political regime
on the national security policy and prevention of interethnic conflicts.
(In the example of Akayev's Kyrgyzstan and Niyazov's Turkmenistan)**

Kirgizia and Turkmenistan, which in times of former USSR membership were considered as raw materials supplement of the Soviet economy, have a very diverse mix of nationalities, because their major nations are in fact divided into several tens of different tribes, and have chosen 2 different ways of political and economic development. Both republics have had very tough neighbors from the very start of them being independent: for Kirgizia it's China and Uzbekistan, for Turkmenistan – Afghanistan and Uzbekistan. In the eyes of the Western world Kirgizia has become „an island of democracy” in Central Asia, whereas Turkmenistan to the contrary has been considered as a perfect example of authoritarianism if not even totalitarianism. However it was still Kirgizia to have first 2 presidents deposed and an interethnic conflict taken place when the governmental forces were not able to cope with a group of Islamic bandits and had to ask for external help. In the same time non-democratic Turkmenistan could serve as an example of political stability, where the only attempt to kill the president was most likely arranged by the president himself and the Talib's regime in Afghanistan, so frightful for the world, has nearly become a best friend of official Ashgabat.

Ruslan Gabdrashitovich Shamgunov – dr historii, docent w Katedrze Stosunków Międzynarodowych na Obszarze Postradzieckim Wydziału Stosunków Międzynarodowych Sankt-Petersburskiego Uniwersytetu Państwowego